

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

АБОЛИЦИОНИСТСКАЯ МЫСЛЬ ВО ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Восстановив рабство в колониях, режим Консулата положил конец абolicионистской интерлюдии во Франции. При Наполеоновской империи, когда получили развитие расовые теории, абolicионисты вынуждены были затаиться или отправиться в эмиграцию. Не имея ни народной поддержки, ни источников финансирования, либералы, тем не менее, продолжали борьбу, которая вписывалась в просветительскую традицию. Одной из самых ярких фигур французского абolicионизма являлся аббат Грегуар, автор памфлетов, стигматизировавших рабство как преступление. Крах Первой империи дал новый импульс абolicионистскому движению во Франции в то время, когда борьба за права человека вышла на международный уровень. Идея постепенной отмены рабства находила все больше сторонников. Первым этапом на этом пути признавалась необходимость положить конец неготорговле. Следуя за примером Англии и США, Франция присоединилась к движению за запрет ввоза негров-рабов на территорию ее колоний. В статье рассматриваются правительственные меры, принятые для реализации столь благого намерения в эпоху Реставрации и Июльской монархии, а также проводится анализ сочинений таких видных абolicионистов, как аббат Грегуар и Виктор Шельшер.

Ключевые слова: французский абolicионизм, аббат Грегуар, запрет неготорговли, В. Шельшер, Реставрация, Июльская монархия.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, St-Petersburg State University, St-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

ABOLITIONIST THOUGHT IN FRANCE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

By re-establishing slavery in the colonies, the Consulate regime put an end to the abolitionist interlude in France. Under the Napoleonic Empire, when racial theories were developed, abolitionists were forced to lie low or go into exile. Having neither popular support nor sources of funding, the liberals, nevertheless, continued the struggle, which fit into the tradition of the Enlightenment. One of the most prominent figures of French abolitionism was the abbé Grégoire, the author of pamphlets that stigmatized slavery as a crime. The collapse of the First Empire gave a new impetus to the abolitionist movement in France just at the time when the struggle for human rights was reaching the international level. The idea of the gradual abolition of slavery found more and more supporters. The first step along this path was recognized as the need to put an end to the negro trade. Following the example of England and the United States, France joined the movement to ban the importation of Negro slaves into the territory of its colonies. The article examines the government measures taken to implement such a good intention in the era of the Restoration and the July Monarchy, as well as the works of such prominent abolitionists as Abbé Grégoire and Victor Schoelcher.

Keywords: French abolitionism, abbé Grégoire, negro trade ban, V. Schoelcher, Restoration, July Monarchy.

Первые расовые теории появились в начале XIX столетия, когда негативные стереотипы в отношении «негров» и «дикарей» Америки стали облекать в мнимо научные формы. Расовые теории, использовавшиеся для легитимации колониализма, как и колониальный гнет *stricto sensu*, вызывали враждебную реакцию со стороны республиканцев и либералов, которые не перевелись при Консульстве и Первой империи, хотя и не позволяли себе громких высказываний. Ряд печатных органов, как «*Annales de la religion*», «*La décade philosophique, littéraire et politique*» вели борьбу против утверждений о превосходстве белых над черными. Однако политическая цензура закрыла эти журналы один за другим в 1803 и 1807 гг.

Ж.-Ф. Доксион-Лависс, автор «Путешествия на острова Тринидад, Тобаго, Маргарита и в разные части Венесуэлы, в Южной Америке» (1813), кроме осуждения самого принципа колонизации, ополчился в ней на предрассудки по поводу так называемой неполноценности черных. Таковые предрассудки, по его мнению, служили оправданием для оставления черных в состоянии рабства и подпитывались учеными публикациями, содержащими «много ложного и абсурдного»¹. Приписываемую неграм склонность к порокам, распутству, коварству, воровству, лени, Доксион-Лависс считал неизбежным следствием их рабского состояния².

Анри Грегуар, бывший депутат Национального Конвента, при Консульстве и Первой империи оставался на виду, заседая в Сенате, где заслужил себе репутацию независимого ума. Как священник, верный религиозным догмам, он свято верил в единство человеческого рода, ведь в Библии Адам и Ева представлены как прародители всего человечества. В «О литературе негров или исследования об их интеллектуальных способностях» (1808 г.) Грегуар отстаивал равенство чернокожих и полукровок с белыми и отрицал полигенизм.

¹*Dauxion-Lavaysse J.-F. Voyages en îles de la Trinidad, de Tobago, de la Marguerite et dans diverses parties de Vénézuëla, dans l'Amérique méridionale. En 2 t. Paris, 1813. T. I. P. 234.*

²*Ibid. T. I. P. 254.*

В первой главе Грегуар присоединяется к тезису ученого-ориенталиста К. Ф. Вольнея, сформулированному в его «Путешествии в Сирию и Египет в 1783, 1784 и 1785 годах» (1787), в соответствии с которым египтяне эпохи фараонов имели черный цвет кожи. А отсюда вывод, что раз греки, по рассказам Геродота и Платона, многое позаимствовали у древних египтян, то получается, что европейская культура и цивилизация ведут свое происхождение от чернокожих. Грегуар внес свою лепту в реабилитацию обладателей черного цвета кожи, «вернув» им интеллект, в котором им отказывали колонисты и работорговцы. Для образованного читателя, выпестованного на классической греко-римской культуре, подобные аргументы казались как нельзя более красноречивыми.

Во второй главе Грегуар противоречит распространенному в его эпоху мнению о моральной неполноценности негров. «Так называемое превосходство белых, — пишет он, — не имеет других защитников, кроме самих белых судей и заинтересованных сторон, компетенцию которых можно оспорить прежде, чем атаковать их решение. Это подходящий случай для того, чтобы напомнить апологию льва, который при виде картины, изображавшей животное его вида, сраженное человеком, удовольствовался замечанием, что среди львов нет художников»³. Грегуар осуждает торговцев «живым товаром», которые способствовали распространению европейских пороков и поддержанию дикости в тех краях Африки, в которых осуществляли свой постыдный трафик, наводняя их спиртным и поддерживая в них состояние войны между племенами.

Рабство удушает в зародыше добродетель и разум. «Какие чувства достоинства, самоуважения могут иметь существа, которых держат за скот и на которых их хозяева ставят в карты или в бильярд за несколько рисовых бочек или другие товары? Кем могут быть индивидуумы, которых третируют хуже скотов, обессиленные работой, облаченные в лохмотья, оголодавшие и за малейшую ошибку растерзываемые в клочья кровавым кнутом надсмотрщика?»⁴ Вместо евангельского слова, которое является наиболее верным средством распространения цивилизации, белые несут черным раздор, физические и нравственные муки.

Непосильная работа и жестокие наказания — вот удел чернокожих рабов. Аргументам негроторговцев, утверждавшим, что перевозимые в Америку негры являлись у себя на родине пленниками или преступниками,

³*Grégoire H. De la littérature des Nègres ou Recherches sur leurs facultés intellectuelles. Paris, 1808. P. 35.*

⁴*Ibid. P. 44.*

которым была уготована незавидная участь, так что они благодарить за спасение их жизней, Грегуар противопоставляет высокую смертность рабов на плантациях. Ежегодно новые партии черных в количестве 80 000 прибывают из Африки для замены тех, кто погиб от чрезмерной усталости, нищеты или отчаяния.

На аргументы тех плантаторов, кто ссылаясь на зверские расправы, совершенные неграми на Сен-Доминго в революционную эпоху, Грегуар отвечает примерами злодеяний, совершенных белыми колонистами и войсками, среди которых натравливание голодных собак, привезенных с Кубы, на восставших, предназначенных им в пищу. Тем самым, аббат отметил заявления негрофобов, этих «белых тигров с человеческим лицом», о врожденной жестокости и бесчеловечности чернокожих⁵.

Третья глава посвящена разбору моральных качеств негров, среди которых трудолюбие, храбрость, удаль, родительская и сыновья нежность, щедрость и т.п. Книга Грегуара «О литературе негров» встретила негативную реакцию со стороны сторонников колониализма, которые увидели в ней манифест негрофилизма. Неологизм «негрофилизм» был тогда понимаем как чрезвычайно уничижительный и порочащий честь белого человека. Сторонники естественных прав, напротив, получили значимое произведение в поддержку своих тезисов. В книге Грегуара содержалось упоминание о Сьерра-Леоне, территории свободы, созданной в Западной Африке в 1787 г. усилиями британских филантропов, Г. Шарпа и Дж. Кларксона. На приобретенном у местного вождя участке земли они стали селить бывших рабов, получивших свободу за поддержку англичан в Войне за независимость североамериканских колоний, и основали в 1792 г. Фритаун. Их усилия, а также активная деятельность У. Уилберфорса в британском парламенте, увенчались успехом 25 марта 1807 г. принятием билля о запрете работорговли в британских колониях.

Начиная с того момента, как был принят закон о запрете треугольной торговли, английское правительство принялось оказывать давление на кабинеты других стран с тем, чтобы они последовали его примеру. В обоснование этого давления приводились аргументы морального характера, за которыми стояли экономические соображения. Запретив трафик негров-рабов на территории своей империи, Великобритания оказалась в невыгодном положении, опасаясь, что по окончании наполеоновских войн другие державы продолжат извлекать для себя

⁵Ibid. P. 56.

прибыли из этого занятия. Первая из пяти дополнительных статей договора с Великобританией касалась обязательства, взятого на себя Людовиком XVIII, который обещал поддержать английского принца-регента в его стараниях убедить все христианские державы высказаться на Венском конгрессе в пользу отмены торговли неграми и прекратить работорговлю во французских колониях в пятилетний срок.

В этой связи отметим, что в период существования Первой империи завоз новых партий рабов из Африки во французские колонии фактически прекратился, что объясняется довольно просто. Наиболее значимые в колониальном плане острова оказались утрачены, вследствие оккупации Англией или провозглашения независимости в случае Сен-Доминго. Кроме того, Франция не располагала достаточным количеством кораблей, лишившись большей части своего флота в Трафальгарской битве 1805 г. Венский конгресс 1814–1815 гг. среди прочих важных вопросов, касавшихся изменений на карте Европы, посвятил время вопросу работорговли, во исполнение упомянутой выше статьи Парижского договора. В декларации Венского конгресса от 8 февраля 1815 г. говорилось о готовности стран сделать все от них зависящее для скорейшей отмены негроторговли. Впрочем полномочные представители воздержались от обозначения конкретных сроков. Вошедшая в Финальный акт от 9 июня 1815 г., в качестве дополнения к основным статьям, декларация держав об обязательстве отменить негроторговлю могла быть претворена в жизнь не иначе как в случае транспонирования ее в национальное право.

Во время заседаний Венского конгресса вышла в свет анонимная брошюра «О торговле и рабстве черных» за подписью «друг людей всех цветов». Посредством этого текста аббат Грегуар, ее автор, обратился к представителям держав с призывом о немедленной отмене работорговли. Упомянутой выше декларацией, подписанной Ш. М. де Талейраном, Франция в числе других европейских стран взяла на себя обязательство ликвидировать негроторговлю.

После принятия Венской декларации прошел всего один месяц, когда Наполеон совершил свой «полет орла» с острова Эльба, места своей ссылки, до Парижа, куда вошел 20 марта 1815 г. Заботясь о привлечении к себе либеральных симпатий, он почти сразу после своего возвращения, 29 марта, издал декрет об отмене «торговли черными». Декретом Наполеона запрещалось привозить во французские колонии для последующей продажи «каких бы то ни было черных,

приобретенных посредством торговли французской либо иностранной»⁶. Всякое ослушание должно было караться конфискацией корабля и груза, в соответствии с судебным постановлением. Однако поражение наполеоновской армии в битве при Ватерлоо 18 июня повлекло за собой отречение Наполеона и вторичное восстановление Людовика XVIII на троне 8 июля 1815 г.

При Второй Реставрации все постановления «узурпатора» были признаны недействительными. Однако Людовик XVIII не мог в полной мере игнорировать декрет об отмене «торговли черными», который подтолкнул его к более быстрому транспонированию Венской декларации во французское национальное право. Запущенный в действие передаточный механизм было уже не остановить. Однако то, что Наполеон решил одним декретом, Людовик XVIII разделил на два документа. Королевский ордонанс от 8 января 1817 г. запретил ввоз черных рабов во французские колонии, а закон от 15 апреля 1818 г. отменил неготорговлю. Как и в наполеоновском декрете, за нарушение предписаний предусматривались наказания в виде конфискации судна и его груза, а также запрета капитану впредь выходить в море.

Тем не менее, постыдный трафик людей из Африки во французские колонии не только продолжался при Реставрации, но и достиг небывалых размеров. Количество кораблей, практикующих треугольную торговлю, достигло 700, причем большая часть из них ловко уклонялась от преследования, выкидывая пленников за борт в случае риска досмотра. При таком количестве кораблей и занятых на промысле людей, торговля неграми, хотя и объявленная нелегальной, организовывалась на глазах у всех в портах королевства. Нант вышел на первое место среди французских неготорговых портов: 48 кораблей нантских арматоров были задействованы в торговле живым товаром в 1825 г. — больше, чем в «лучшие» годы XVIII столетия. Трафик чернокожих представлял треть активности порта Нанта⁷.

Возмущенные таким положением дел, талантливые ораторы из рядов либеральной оппозиции в Палате депутатов, Ж.-А. Манюэль, Б. Констан, выступали с осуждением нарушений запрета на работорговлю.

⁶Décret impérial abolissant la traite des Noirs. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Décret_impérial_abolissant_la_traite_des_Noirs.

⁷Daget S. Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite ill égale (1814–1850). Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique. Université de Nantes, 1988.

Бенжамен Констан произнес на заседании 27 июня 1821 г. речь, ставшую знаменитой: «Работоторговля осуществляется: она осуществляется незаконно. Известна дата отплытий, покупок, прибытий. Публикуются листовки с приглашением приобретать акции в негритоторговле, только покупка рабов маскируется под покупку мулов на побережье Африки, где никто никогда не покупал мулов. Работоторговля осуществляется в более жесткой форме, чем когда бы то ни было, потому что капитаны, торговцы черными невольниками, прибегают к отвратительным мерам дабы избавиться от пленников и уйти от преследования...»⁸. Взывая к гуманизму депутатов, Б. Констан требовал принятия эффективных мер для того, чтобы воспрепятствовать повторению разоблаченных им преступлений.

Аббат Грегуар также не мог молчать, следствием чего стало появление в 1822 г. очень вирулентного памфлета «О бесчестящих наказаниях, которым следует подвергать негритоторговцев». В нем ставится вопрос о реальных преследованиях и возможности применения смертной казни к нарушителям запрета на торговлю чернокожими. Памфлет начинается с определения всех ответственных за такое положение дел: «Я называю негритоторговцем не только капитана корабля, который крадет, покупает, приковывает цепями, набивает в трю битком как сельдей в бочки и продает черных или полукровок, который даже бросает их за борт, чтобы замести слелы преступления, но также всякого индивидуума, который посредством прямого или косвенного сотрудничества является соучастником этих преступлений. Таким образом, понятие негритоторговца включает в себя судовладельцев, фрахтовщиков, акционером, заказчиков, страховщиков, колонистов-плантаторов, управляющих, капитанов, боцманов и всех до последнего матроса, принимающих участие в этом постыдном трафике»⁹. Все эти «агенты преступления» должны находиться в ведении суда присяжных.

В следующем памфлете «О благородстве кожи или о предрассудке белых против цвета кожи африканцев и их потомков черных и полукровок» (1826) Грегуар выступил с обличением колониального господства европейцев, введших в обиход понятие благородства белой кожи для того, чтобы тем сильнее эксплуатировать африканцев ради барышей, выручаемых от продажи хлопка, сахара и т.п. Предрассудок,

⁸Mémoires des abolitions de l'esclavage. Pôle mémoriel national de l'Est de la France. URL: <https://www.abolitions.org>.

⁹Grégoire H. Des peines infamantes à infliger aux négriers. Paris, 1822. P. 1.

связанный с дифференциацией людей по свету их кожи более всего, пишет Грегуар, присущ негриторговцам, плантаторам, а также всем тем, кто так или иначе связан с прибылями, выручаемыми от продажи черного товара. При этом разум и христианская религия, призывающая возлюбить ближнего как самого себя, восстают против деления людей на категории в зависимости от цвета их кожи, могущества и богатства.

Грегуар взывал к инстинкту самосохранения колонистов, убеждая, что в их интересах развенчать предрассудок, связанный со цветом кожи, поскольку освобождение рабов грядет в ближайшем будущем. И тому есть осязаемые свидетельства, как республика Гаити, которая своим существованием реабилитировала черный цвет кожи, свидетельствуя одновременно против работорговли и рабства, как латиноамериканские государства, Колумбия, Мексика, Ла Плата и Гватемала, которые сразу после обретения независимости в тяжелой борьбе с испанским колонизатором, заявили о своей приверженности моральным ценностям.

Грегуар высказывает уверенность в том, что колониальные реалии, основанные на рабстве, в скором времени должны либо кардинально поменяться в сторону смягчения нравов, либо рухнуть, поскольку основаны на преступлении, которое повлечет за собой отмщение. «Плантаторы, испытывающие приступ ярости против тех, кто указывает вам на опасность, откройте наконец глаза: вы спите на вулкане; отвергая советы, вы его разожгли и находитесь рядом с кратером»¹⁰. Упорствование колонистов в презрительном отношении к чернокожим может отозваться им появлением харизматичной фигуры вождя притесняемых, вроде Спартака или Туссена-Лувертюра, под руководством которого негры-рабы силой сметут ненавистный им порядок.

Затронув тему нарушений запрета на работорговлю, Грегуар сокрушается по поводу французского флага, профанированного торговцами живым товаром, по вине которых страдает население Гвинейского берега. «Каннибалы европейского континента поставляют человеческое мясо другим каннибалам Мартиники и Гваделупы. Вполне вероятно, что у них есть сообщники в Марселе, Бордо, Сен-Мало, Гавре, Париже и других городах, но Нант — средоточие упомянутого разбоя. В Нанте проживают чудовища в человеческом обличье, чьи смертоносные глаза постоянно направлены на Африку и которые более страшны

¹⁰Grégoire H. De la noblesse de la peau, ou du préjugé des blancs contre la couleur des Africains et celle de leurs descendants noirs et sang-mêlés. Paris, 1826. P. 51.

для негров, чем пантеры и тигры»¹¹. Грегуар указывает на жандармов, комиссаров полиции как на сообщников вершащегося беспредела, которые закрывают на него глаза, в то время как все в кораблях, сняряжаемых в Нанте, от структуры до оснастки, указывает на их истинное предназначение¹².

Карл X вынужден был прислушаться к общественному мнению и к давлению Великобритании, чьи корабли, курсируя у берегов Африки, фиксировали нарушения запрета от 1818 г. Новый закон о запрете на работоторговлю во французских владениях, изданный 25 апреля 1827 г., рассматривал его нарушение отныне не как проступок, но как преступление, караемое штрафом равным стоимости корабля и груза, а также запретом капитану и офицерам экипажа впредь служить как на королевских, так и на коммерческих судах. Причем в законе было прописано, что наказанию подлежат не только негоцианты и судовладельцы, капитан и офицеры экипажа, но также страховщики, акционеры, поставщики, иначе говоря, все, кто так или иначе участвовал в постыдном трафике¹³. Примененное законодателем расширенное толкование понятия «негроторговец» шло в русле идей Грегуара.

Приходится констатировать, что несмотря на усилия либеральной оппозиции и наличие соответствующего законодательства, незаконный трафик продолжался при попустительстве французских колониальных властей и после 1827 г. Только в эпоху Июльской монархии была отмечена регрессия торговли живым товаром во французских колониях.

Июльская монархия, пришедшая на смену режиму Реставрации, была торжественно провозглашена 9 августа 1830 г. по итогам «Трех Славных» революционных дней 27, 28, 29 июля. Надежды, возлагавшиеся республиканцами на свержение монархии, оказались обмануты. К власти пришла младшая ветвь Бурбонов в лице Луи-Филиппа I, бывшего герцога Орлеанского. Новая Конституционная хартия, которой присягнул на верность Луи-Филипп, расширила избирательный корпус и ввела трехцветную кокарду. В позиции метрополии по отношению к колониям, однако, ничего не изменилось. В Конституционной хартии от 14 августа 1830 г. по-прежнему декларировалось, что «колонии управляются

¹¹Ibid. P. 57–58.

¹²Ibid. P. 75.

¹³Loi du 25 avril 1827. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Loi_du_25_avril_1827.

особенными законами» (ст. 64)¹⁴. Иначе говоря, гражданские права, соблюдаемые в метрополии, на колонии не распространялись.

Систематические и многочисленные нарушения запрета на негроторговлю повлекли за собой принятие закона от 4 марта 1831 г., который аннулировал предыдущий от 25 апреля 1827 г. Принятый убедительным большинством голосов обеими палатами парламента, этот новый закон существенно ужесточил наказания для судовладельцев, капитанов кораблей, судовых приказчиков, страовщиков и всех тех, кто попался на пособничестве нелегальной торговле живым товаром.

Для всякого, снаряжающего судно в целях негроторговли, предусматривалось наказание тюремным заключением продолжительностью от двух до пяти лет в случае ареста корабля в пункте отправления (ст. 1). В случае ареста корабля в открытом море, до совершения акта нелегальной торговли, судовладельцам грозило от десяти до двадцати лет каторжных работ, тогда как финансистам, вложившим деньги в предприятие, и страховщикам — лишение свободы, капитану и судовому приказчику — от пяти до десяти лет каторжных работ, членам экипажа — от года до пяти лет тюрьмы (ст. 2). В случае, если акт работорговли имел место, капитану и представителю интересов судовладельца на корабле грозило наказание от десяти до двадцати лет каторжных работ, а членам экипажа — лишение свободы (ст. 3). Во всех предусмотренных выше случаях сам корабль и его груз подвергались конфискации, которая могла сопровождаться выплатой штрафа (ст. 5). Наказание не применялось к членам экипажа, которые денонсировали нарушение запрета на работорговлю в одном из портов Франции или колоний (ст. 6). Специальное наказание предусматривалось для тех, кого уличили в продаже или покупке кандалов, применяемых при торговле неграми — тюремное заключение от одного года до двух лет (ст. 8).

Часть положений нового закона касалась чернокожих. Жестокое обращение с ними на борту невольничьего судна должно было караться наказанием, предусмотренным Уголовным кодексом (ст. 7). Нелегально ввезенным на территорию колоний неграм надлежало предоставить свободу постановлением суда (ст. 10), но они могли быть задействованы правительством на работах в общественных мастерских продолжительностью не более семи лет (ст. 11). В законе значилось также, что средства, собранные от продажи кораблей и их груза, а

¹⁴Charte constitutionnelle du 14 août 1830. URL: <https://www.conseilconstitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/chqrte-constitutionnelle-du-14-aout-1830>.

также от выплаты штрафов, должны направляться на улучшение участи освобожденных чернокожих (ст. 16).

Как ни странно, закон 1831 г., на который возлагалось столь много надежд, вызвал шквал критики со стороны аболиционистов. Виктор Шельшер (1804–1893), журналист, состоявший в оппозиции к правительству Июльской монархии, считал, что пытаться положить конец треугольной торговле специальными законами — безнадежное дело. «К чему изобретать наказания для негроторговцев? Разве непонятно, что в вопросе, в основании которого лежит самый гнусный интерес, надо атаковать этот самый интерес?»¹⁵

Шельшер определял закон от 4 апреля 1831 г. как иллюзорный, ни в коей мере не позволяющий достичь означенной цели. Объявление, что по истечении 60-ти лет «все рабы обретут юридическую и фактическую свободу»¹⁶ было бы, по его мнению, единственным средством покончить с негроторговлей. Ко времени освобождения взрослые рабы умрут своей естественной смертью, так что рабовладельцы не смогут предъявить государству претензии в том, что их обокрали. Что же до детей рабов, Шельшер полагал, что наилучшим решением для государства было бы выкупить их у плантаторов на деньги, вырученные от сбора штрафов за незаконную работорговлю. По мере приближения означенного срока упразднения рабства, «товар негроторговцев понизится само собой разумеется в цене, и, не извлекая более выгоды, они вскоре сами откажутся от этой торговли»¹⁷. Для чернокожих, ставших объектом нелегальной торговли, Шельшер предлагал создать на африканском побережье специальную колонию по примеру уже существующих Сьерра-Леоне и Либерии, где труд будет свободным.

После принятия закона 1831 г., Июльский режим приступил к организации наблюдения вблизи африканских берегов, куда отправлялись крейсировать французские патрульные корабли для обнаружения нелегального трафика. Британский флот, чьи суда с давних пор бороздили прибрежные воды Африки в поисках преступивших закон негроторговцев, выполнял в некотором роде функции «морской полиции», поэтому конвенция с Великобританией о праве взаимного

¹⁵Le Journal le Temps, 16 janvier 1831. См. также: *Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale*. Paris, 1831. P. 83.

¹⁶*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale*. Paris, 1833. P. 84.

¹⁷*Ibid.* P. 85.

осмотра, заключенная в 1831 и 1833 гг., должна была способствовать большей эффективности французских патрулей. Вместе с Англией, Франция была единственным государством, чей флот участвовал в пресечении нелегальной торговли живым товаром. Такая согласованная деятельность двух стран по досмотру подозрительных кораблей имела следствием значительное снижение треугольной торговли в 1840-х гг.

Не обошлось при этом без критики. Активные поборники национального суверенитета считали унижительным досмотр англичанами французских судов. Англофобия была распространенным явлением во Франции после наполеоновских войн и краха Первой империи. Захват англичанами в 1839 г. французского судна «Сенегамби», которое транспортировало не пленников, а наемных работников в Кайенну, имел негативный резонанс. К этому времени основные потоки невольничьего трафика переместились под другие знамена. Новая конвенция с Англией, заключенная правительством Ф. Гизо 29 мая 1845 г., утверждала паритет французского и английского флотов для наблюдения за африканским побережьем. Присутствие в водах Атлантики 26-ти французских военных кораблей с 222 пушками на борту, в соответствии с упомянутой конвенцией, прекратилось лишь в 1848 г. с учреждением Второй республики.

Приложив много усилий для прекращения нелегального трафика черных невольников, Франция оставалась страной, которая так и не отменила рабство в своих колониях. Спасенные английскими и французскими патрулями с невольничьих кораблей, чернокожие пленники не возвращались в порт отправления, но отвозились в колонии, где они отработывали свое освобождение в течение многих лет и только после этого имели возможность обосноваться в Сьерра-Леоне.

Что же до положения свободных цветных в колониях — Июльская монархия упразднила сегрегационистские законы. Свободные цветные получили возможность пользования всей полнотой гражданских прав по ордонансу от 24 апреля 1833 г. Другое дело — их участие в голосовании ограничивалось имущественным цензом. Но в этом их положение несколько не разнилось от положения белых, среди которых избирательным правом пользовались лишь состоятельные слои буржуазии.

Как и при Реставрации, правительство Июльской монархии находилось под прессингом колониального лобби. Тем не менее, аболиционисты стали все громче заявлять о себе, выступая против деспотизма колонистов и требуя постепенного освобождения рабов путем их приобщения к оплачиваемому труду и религии.

После смерти аббата Грегуара (28 мая 1831 г.) Виктор Шельшер стал достойным продолжателем его борьбы против системы колониального рабовладения. Побывав на Кубе в 1829–1830 гг. по делам торгового предприятия его отца, Шельшер вынес из поездки тяжелые впечатления, после чего опубликовал целый ряд произведений, в которых обличал жестокость негроторговцев и плантаторов. Убежденный республиканец, близкий по своим взглядам к Луи Блану, Шельшер не сразу пришел к мнению о необходимости незамедлительной отмены рабства. Вначале он считал губительной всякую поспешность в этом деле.

Его статья «Черные» (1830) очень хорошо свидетельствует об этом. В ней автор живописал всю тяжесть положения рабов на плантациях, изнуряющую работу и грубое обращение, выхолащивающие из них человеческое достоинство. Ссылаясь на состояние полного невежества и всяческие пороки, порождаемые рабством, Шельшер делал вывод о социальной опасности немедленного освобождения невольников: «Абсолютно не вижу никакой необходимости заражать активное общество (и так уже достаточно негодное) многими миллионами скотов, украшенных званием граждан, которые в конечном счете сделаются обширным рассадником нищих и пролетариев»¹⁸. При этом автор мечтал о всемирном конгрессе и предсказывал, что до упразднения рабства ждать осталось 15 или 20 лет при условии повсеместного прекращения работорговли и эмансипации детей рабов.

В следующем публицистическом труде «О рабстве черных и колониальном законодательстве» (1833) Шельшер призывал к созданию законов, призванных смягчить участь рабов в ожидании отмены их невольничьего статуса. В начале книги автор размышлял о колониальных реалиях, утверждая, что в заморских владениях европеец быстро привыкает к постоянной несправедливости в отношении негров, которые безропотно терпят унижения и страдания. Изложение строится в виде дискуссии со сторонниками рабовладения, которых автор называет «антинегрофилами».

Констатируя высокую смертность рабов в колониях, вынуждающую к постоянному завозу туда новых партий невольников, Шельшер критикует алчность и жестокость плантаторов, которые, амортизируя за три года траты на приобретение рабочей силы, нещадно убивают рабов

¹⁸*Schoelcher V. Les Noirs // Revue de Paris. 1830. T. XX. P. 82.*

непосильным трудом или плетью. «Рабство — это смерть»¹⁹. При этом правосудие в колониях всегда на стороне плантатора, санкционируя тем самым его произвол. «Обвинитель, судья и палач» на своей плантации, рабовладелец мог ничего не опасаться отчасти и потому, что положения Черного кодекса, запрещавшие ему калечить, пытать и убивать своих невольников, не имели более силы.

Не будучи сторонником немедленного освобождения рабов, Шёльшер объясняет опасность такого шага. Доведенные рабством до состояния отупения, невольники не будут способны осознать права и обязанности, накладываемые на них их новым статусом, станут лениться и пренебрегать работой²⁰.

Развенчивая миф о том, что колониальные рабы более счастливы и беззаботны, чем французские крестьяне, Шёльшер утверждает, что невольники «понимают свободу»²¹, которая возвращает им человеческое лицо, в то время как рабство и унижения деморализуют их. Арифканцы не менее других народов способны вкусить плоды цивилизации, но европейцы в своих корыстных интересах поддерживают там варварство. «Черный человек не менее достоин свободы, чем белый»²². Так звучит одна из глав книги Шёльшера, вынесшего свои основные тезисы в оглавление: «Рабство негров являет собой несправедливость по отношению к человеческому достоинству, потому что чернокожий абсолютно равен по разуму белому человеку» — название следующей главы, в которой Шёльшер утверждает, что рабство — это преступление²³.

К этим аргументам принципиального характера, которые приводились и ранее такими защитниками черных, как Бриссо и Грегуар, Шёльшер добавляет аргументы экономического характера: «работа одного свободного человека, белого или черного, равнозначна работе пяти рабов»²⁴. Обрабатывая культуры свободными руками, колонии станут процветающими, так как плантаторам не придется более опасаться лености, бегства или внезапной смерти культиваторов. Обеспечивая себя сами, колонии перестанут быть тяжелым финансовым бременем для

¹⁹*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale. Paris, 1833. P. 26.*

²⁰*Ibid. P. 41.*

²¹*Ibid. P. 42.*

²²*Ibid. P. 65.*

²³*Ibid. P. 72.*

²⁴*Ibid. P. 85.*

метрополии, что позволит их сохранить, несмотря на призывы отдельных экономистов отказаться от них²⁵.

Исходя из изложенных выше тезисов, Шёльшер разработал проект декларации прав колониального человека, которая должна была, в случае принятия ее парламентом, послужить основой для выработки колониального кодекса. Среди положений этого проекта декларации можно выделить следующие: рабы — это люди и обязанность их хозяев обращаться с ними так, как этого требует их человеческое достоинство; хозяин рабов не сможет более воспротивиться их брачному союзу; европейское духовенство будет отправлено в колонии с целью нравственного воспитания рабов; всякий собственник рабов, который причинил им моральный или физический ущерб, будет лишен права обладать невольниками; всякий белый, уличенный в преступлении по отношению к черному, будет лишен своих гражданских и политических прав; в пользу рабов должна быть учреждена касса взаимопомощи; хозяин раба обязуется предоставить ему свободу после того, как тот выплатит выкуп; достаточно простого желания хозяина для того, чтобы предоставить свободу своему рабу. Взяв пример с колониального законодательства Великобритании, Шёльшер ввел в свою декларацию понятие защитника чернокожих, выступающего независимым арбитром в их конфликтах с белыми хозяевами.

В целом, Шёльшер хотел донести своей декларацией, что раб не должен более ассоциироваться с домашним скотом, что свобода — принцип, а рабство — исключение. Речь шла о некоем промежуточном состоянии до освобождения рабов, каковое планировалось по истечении 60-ти лет с момента провозглашения вышеизложенных положений. Осуждая наказание плетью, Шёльшер считал необходимым терпеть его еще некоторое время, пока не будет положен конец рабству²⁶. В наказание плетью (не более 29 ударов) предлагалось внести ограничения с оглядкой на те, каковые были введены в английских колониях, а именно 24 часа между преступлением и наказанием, телесные наказания только в общественных местах специально приставленным для этой цели служащим. Все вышеизложенные правила должны были внести определенные коррективы в произвол рабовладельцев в колониях.

²⁵Ibid. P. 96.

²⁶*Schoelcher V. De l'esclavage des Noirs et de la législation coloniale. Paris, 1833. P. 123.*

В 1830-е гг. сторонники постепенной отмены рабства преобладали над теми, кто требовал немедленного его упразднения. Бытовало мнение, что незамедлительная отмена рабского состояния вызовет очень резкий экономический шок в плантационных колониях, где рабы представляли больше половины населения. Принималась во внимание и трудность перестройки на новый лад социальных отношений, участниками которых будут не хозяин и раб, а арендатор и вольнонаемный работник. Плантаторам требовалось время для того, чтобы морально и организационно подготовиться оплачивать труд наемных рабочих, а рабам — для того, чтобы проникнуться принципами христианской жизни и научиться не брезговать работой, как свидетельствует приведенный выше текст Шёльшера.

Английский закон об отмене рабства в колониях (Abolition bill), принятый в парламенте 8 августа 1833 г., служил примером для подражания. Он предусматривал поэтапное продвижение к означенной цели. Закон должен был вступить в действие с 1 августа 1834 г., а дата окончательного упразднения рабства определялась 1 августа 1840 г., при этом предусматривалось денежное возмещение бывшим собственникам рабов в сумме 20 млн ливров. Предполагалось, что рабы под руководством своих бывших хозяев и властей должны были освоить непростую науку жизни на свободе в течение шести лет. На деле же острая социальная напряженность вынудила законодателя поспешить с окончательным упразднением рабства в английских колониях, каковое было провозглашено раньше предполагаемого срока, 1 января 1838 г.

Новость об Abolition bill подтолкнула французских аболиционистов к основанию в августе 1834 г. Французского общества борьбы за отмену рабства. Ядром этого нового общества стал комитет за отмену работорговли, который являлся составной частью Общества христианской морали, основанного в декабре 1821 г. либералами, состоявшими в оппозиции к режиму Реставрации. Организованное по модели английского Antislavery Society, Французское общество развернуло активную деятельность, которая выражалась в регулярных обсуждениях положения рабов в колониях, в издании газеты, в выступлениях в Палате депутатов, в деятельности при Генеральных советах департаментов, в составлении проектов эмансипации невольников, в участии в аболиционистских конгрессах в Лондоне 1840 и 1843 гг., в составлении петиций, в создании аболиционистских комитетов и в сборе средств по всей Франции.

Важно подчеркнуть, что Общество борьбы за отмену рабства порвало с предшествующей традицией, в соответствии с которой французское аболиционистское движение представлялось как занятие элит, влиятельных во властных структурах нотаблей. Либералы, входившие в состав Общества, как В. де Бройль, А. де Токвиль, Ремюза, Ф. А. Изамбер делали все возможное для того, чтобы вынести вопросы аболиционизма на обсуждение широкой общественности.

Многие депутаты французского парламента состояли членами Общества борьбы за отмену рабства, как А. Ламартин, И. Пасси. Посредством выступлений в Палате депутатов и давлением на членов правительства аболиционисты пытались добиться разработки и скорейшего принятия закона о поэтапной отмене рабства. Однако король Луи-Филипп I не был сторонником этой меры, считая ее утопией и ратуя за поддержание порядка в заморских владениях, в соответствии с пожеланиями колониальных собраний.

Констатируя нежелание правительства приняться за подготовку аболиционистского декрета, на заседании Палаты депутатов 25 марта 1836 г. Альфонс Ламартин выразил свое возмущение с трибуны: «Все представлены здесь, кроме рабов...; черные не имеют ни бюджета, ни казны, ни адвокатов; у них нет других защитников, кроме нашей совести»²⁷.

В 1837 г., ввиду отсутствия правительственной инициативы, И. Пасси, вице-президент аболиционистского общества, предложил свой проект закона. Разработанный им проект эмансипации носил поэтапный характер, в соответствии с которым следовало ограничиться освобождением детей рабов, а также обеспечить возможность для каждого невольника выкупить свободу по фиксированному тарифу. Примерно такие же предложения содержались в упомянутой выше книге В. Шельшера «О рабстве черных и колониальном законодательстве». Депутатская комиссия, созданная для изучения проекта во главе с Ф. Гизо, рекомендовала массовое освобождение, поставив условием дожидаться 1840 г. для того, чтобы получить возможность судить о степени успешности английского опыта эмансипации²⁸. Новая комиссия, созданная для изучения проекта Пасси, заявила в июле 1839 г., что считает освобождение черных невольников

²⁷Цит. по: *Manceron G.* Marianne et les colonies. Une introduction à l'histoire coloniale de la France. Paris, 2003. P. 87.

²⁸*Jennings L. C.* La France et l'abolition de l'esclavage (1802–1848). Paris, 2010. P. 115.

политической необходимостью и также призвала к массовому освобождению рабов.

Отметим, что в среде аболиционистов отсутствовало согласие по целому ряду вопросов, но более всего споров вызывала тема возмещения убытка владельцам рабов. В мае 1840 г. новая комиссия под председательством В. де Бройля приступила к рассмотрению вопросов рабства во французских колониях. После трех лет консультаций, в ходе которых члены комиссии провели большое количество опросов относительно условий содержания рабов, в марте 1843 г. комиссия предложила правительству два проекта. В соответствии с первым из них рекомендовалось осуществить постепенное освобождение рабов, в течение 10-ти лет, посредством выплаты возмещения колонистам, общая сумма которого оценивалась в 150 миллионов франков. Рабы должны были получить возможность зарабатывать деньги на свое освобождение, чтобы накопить для своего выкупа определенную сумму, каковую предполагалось дополнить денежной помощью от государства. Второй проект предполагал всеобщую эмансипацию невольников по истечении 20-ти лет, в течение которых будет подготовлена замена рабочих рук на плантациях и осуществлено обучение свободе.

Примечательно, что несмотря на регулярную работу парламентских комиссий, правительство Июльской монархии так и не сочло возможным разработать проект закона об отмене рабства. Тем не менее, под нажимом депутатов-членов Общества борьбы за отмену рабства, министр морского флота и колоний Арман де Мако выступил с инициативой закона с целью улучшения участи рабов во французских колониях. Принятый 18 июля 1845 г., закон Мако накладывал на рабовладельцев определенные обязательства, его положения распространялись только на Гваделупу, Мартинику, Гвиану и остров Бурбон (Реюньон).

В соответствии с буквой закона, продолжительность рабочего дня на плантациях ограничивалась 9 ч. 30 мин., между 6 ч. утра и 18 ч. вечера, предусматривался дневной перерыв (ст. 3). Каждый раб или рабыня наделялись небольшим участком земли для удовлетворения своих потребностей (ст. 2). Декларировалось право невольников на обладание движимым и недвижимым имуществом, законно приобретенным или наследованным, за исключением кораблей и оружия, при этом в правовом поле они приравнивались к несовершеннолетним на попечении рабовладельца (ст. 4). Рабам позволялось выкупать свою свободу за денежное возмещение по договоренности с хозяином либо

по фиксированной цене (ст. 5). Часть положений вводила штрафы для рабовладельцев, неоправданные побои и увечья, нанесенные рабу, должны были караться тюремным заключением (ст. 9, 10). Колониальным мастерским придавалось особое значение. Всякий бродяга, не имеющий средств и возможности обеспечить себя, обязывался там работать.

Закон от 19 июля 1845 г. выделял министерству Морского флота и колоний сумму в 930 000 франков на ввоз европейских сельскохозяйственных рабочих в заморские владения, на организацию хозяйств на основе вольнонаемного и оплачиваемого труда, на выкуп рабов в случае, если колониальная администрация сочтет это необходимым, и т.п. Средства были рассчитаны на два года, отчет об употреблении выделенных средств должен был ежегодно предоставляться парламенту²⁹.

Однако во французских колониях никакое правительственное распоряжение не могло вступить в действие без согласия колониальных собраний, где плантаторы вершили закон. Неудивительно, что при такой ситуации, все благие посылы законы Мако остались без применения.

В 1846 г. Луи-Филипп издал ордонанс, в соответствии с которым коллективному и быстрому освобождению подлежали рабы королевских владений в колониях (так называемые «королевские негры»). Однако правительство Июльской монархии по-прежнему воздерживалось от полного и немедленного освобождения всех рабов в колониях, опасаясь, что такая мера повлечет за собой массовые убийства и потерю заморских владений. В итоге, Июльская монархия пошла только на частичные реформы рабовладения. Исключением стал остров Майотта, отошедший к Франции в 1841–1843 гг. по договоренности с местным султаном, где в соответствии с королевским ордонансом от 9 декабря 1846 г. была провозглашена отмена рабства. Новые порядки на Майотте, как и на близлежащих островах Нози-Беи и Сент-Мари в Индийском океане, были введены отчасти под нажимом Великобритании, опасавшейся конкуренции добытого рабским трудом и, следовательно, более дешевого сахара с Майотты.

Взгляды Шёльшера по вопросам отмены рабства претерпели значительную радикализацию в начале 1840-х гг. Причиной тому стала неудача английского проекта поэтапного освобождения рабов, а также второе путешествие на острова Карибского моря в 1840–1841 гг., в ходе которого журналист посетил Мартинику, Гваделупу, Кубу, Ямайку, Антигуа, Доминику. Постепенно в нем окрепла убежденность

²⁹Loi Mackau. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Lois_Mackau.

в необходимости немедленной отмены рабства, не дожидаясь пока чернокожие восстанут и потребуют независимости. Публицистические работы 1840-х гг. свидетельствуют об этой радикализации его взглядов: «Отмена рабства: критический анализ предубеждения против цвета кожи африканцев и полукровок» (1840), «О французских колониях. Немедленная отмена рабства» (1842), «Иностранные колонии и Гаити. Результаты английской эмансипации» (1843), «История рабства в течение двух последних лет» (1847)³⁰.

Первая из вышеперечисленных книг — «Отмена рабства...» была представлена на конкурс, организованный Обществом борьбы за отмену рабства, но не получила награду. Конкурс проводился для вручения премии в 1 000 франков, завещанной аббатом Грегуаром тому, кто сумеет изложить наилучшие способы для уничтожения предрассудка белых против черных и цветных. Она представляла собой в некотором роде дополнение к «О литературе негров» Грегуара и воспроизводила многие тезисы, изложенные уже Шёльшером в его предыдущих работах, среди них — интеллектуальное равенство черных и белых. Тем не менее, имелось одно принципиальное отличие. Оно заключалось в том, что в новой книге Шёльшер занял однозначную позицию в пользу немедленной и всеобщей эмансипации рабов.

Основной его тезис — только уничтожение рабства способно положить конец предрассудку в отношении цвета кожи, ибо в его основе — факт господства белого человека над черным. «Черные невежественны не потому, что они черные, но потому что они рабы»³¹. Точно так же русские и польские крепостные крестьяне имеют репутацию недалеких, хотя крепостное состояние менее безнадежно по сравнению с рабством, оставляя человеку больше возможности прибегать к своему разуму. «Рабство отупляет одинаково белых и черных, вот и вся правда»³².

В 1842 г. Шёльшер заявил о невозможности дальнейшего оттягивания решения вопроса невольничьего труда, как об этом свидетельствует

³⁰*Schoelcher V. Abolition de l'esclavage, examen critique du préjugé contre la couleur des Africains et des sang-mêlés. Paris, 1840; Idem. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1842; Idem. Colonies étrangères et Haïti. Résultats de l'émancipation anglaise. En 2 t. Paris, 1843; Idem. Histoire de l'esclavage pendant les deux dernières années. En 2 vol. Paris, 1847.*

³¹*Schoelcher V. Abolition de l'esclavage, examen critique du préjugé contre la couleur des Africains et des sang-mêlé. Paris, 1840. P. 21.*

³²*Ibid. P. 22.*

название книги «Немедленная отмена рабства». Посвятив целую главу рассмотрению разных способов постепенного перехода от рабовладельческой системы к свободному труду, будь то последовательная добровольная эмансипация рабов их владельцами, эмансипация посредством выкупа детей рабов, посредством выкупа взрослых рабов, выкупа рабов государством, путем прикрепления к земле, Шёльшер приходил к выводу об их абсолютной недейственности. «Всякое частичное средство плохо потому, что оно частичное. Массовое освобождение единственно способно научить рабов обязанностям свободного человека... Массовое освобождение небезопасно, но из всех способов оно включает в себе менее всего опасностей»³³. Шёльшер считал, что только полное, бескомпромиссное и немедленное освобождение подневольного населения колоний способно превозмочь всякое сопротивление со стороны креолов и колониальной администрации, заинтересованных в сохранении рабовладения, положить конец неопределенности, постоянным беспорядкам и восстаниям рабов³⁴.

Книга была написана Шёльшером до принятия законов 1845 г., смягчивших участь рабов (только на бумаге), по личным впечатлениям от увиденного за время путешествия по Антильским островам. Автор констатировал живучесть предрассудка, определяющего ценность человеческой жизни по цвету кожи, противодействие белых распространению знаний чреди черного населения, произвол рабовладельцев, но также то, что отношения между рабом и его хозяином могут быть фамильярными и даже семейными, без излишней аффектации подчинения и гоподства. Автора возмущал тот факт, что рабов в колониях судят по всей строгости уголовного кодекса, применимого к свободным гражданам в метрополии.

По мнению Шёльшера, эмансипировать рабов так же справедливо, как и выплатить возмещение рабовладельцам. «Возмещение необходимо, потому что, хотя владение рабами нелегитимно, оно не менее легально». Шёльшер считал справедливой выплату возмещения в 1 000 франков за голову раба. Хорошо известный аргумент плантаторов, в соответствии с которым колонии не выживут в экономическом плане без подневольного труда, категорически отменяется автором. Эмансипировать рабов можно без ущерба для процветания колоний, достаточно наладить туда

³³*Schoelcher V. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1998. P. 366.*

³⁴Эти мысли Шёльшер развивал в главе XXIII своего труда.

иммиграцию европейских семей при поддержке государства, что обеспечит культуру сахарного тростника рабочими руками. Распространенное убеждение, что европейцы не приспособлены к сельскохозяйственным работам в тропических странах из-за непереносимости жаркого и влажного климата так же категорично отмечается автором. Аббат де Прадт, который утверждал, что «сахарные колонии Антильских островов были бы невозможны без негров»³⁵, не авторитет для Шёльшера в данном случае. «Это не вина Антильских островов, это ошибка суждения аббата де Прадта. Сахарный тростник не сложнее культивировать, нежели любое другое растение», напротив, европейцы могли бы привнести с собой технические усовершенствования, которые облегчили бы эту работу»³⁶.

Шёльшер обращался с призывом к французским рабочим сменить свое нищенское существование в метрополии на наемный труд в колониях с щедрой природой под безоблачными небесами. Оплачиваемый труд иммигрантов станет эффективной заменой труду невольников, что приведет к регенерации французских колоний, пребывающих в плачевном состоянии. Констатируя, что значение колоний для торгового флота и коммерции Франции чрезвычайно преувеличено, Шёльшер высказывался в пользу их сохранения из чувства национальной гордости, «потому что они французские» и, по сути, являются заморскими провинциями. От его внимания не ускользнула ненависть креолов по отношению к аболиционистам. «Слово филантроп стало ругательным среди них. Англия и производители сахарной свеклы для них это все равно что Питт и Кобург»³⁷. Для того, чтобы сохранить колонии, Шёльшер высказывался за уничтожение посадок сахарной свеклы с возмещением фабрикантам их потерь, поскольку «экзотический сахар является непременным условием существования для колоний»³⁸.

Собранные в «Истории рабства» (1847) сведения должны были продемонстрировать общественному мнению, что несмотря на законы и ордонансы, смягчающие участь рабов, отношение к ним колонистов осталось прежним, то есть презрительным и высокомерным, позволяющим чинить по отношению к ним самые

³⁵*Pradt, abbé de*. Des colonies et de la Révolution actuelle de l'Amérique. En 2 t. Paris, 1817. P. 198.

³⁶*Schoelcher V*. Des colonies françaises. Abolition immédiate de l'esclavage. Paris, 1998. P. XXV.

³⁷*Ibid.* P. 232.

³⁸*Ibid.* P. XLIII.

гнусные несправедливости. Вывод — необходимость срочной отмены рабства напрашивался сам собой. «Одно-единственное средство от бесчисленных проявлений зла, порождаемых рабством, это свобода. Невозможно привнести человечность в рабство. Существует всего один способ действительно улучшить судьбу негров, это провозгласить эмансипацию полную и немедленную»³⁹.

Парламентские дебаты 1840-х гг. свидетельствовали о том, что большинство депутатов выступало за освобождение рабов, однако все упиралось в отсутствие консенсуса относительно методов его осуществления. Рабство во французских колониях изжило себя в практическом и моральном планах, когда банкетная компания, проходившая под лозунгами отставки правительства Гизо и избирательной реформы, привела к Февральской революции 1848 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Akademicheskij slovar' teorii i istorii imperij [Academic dictionary of the theory and history of Empires]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012. 728 p.

Академический словарь теории и истории империй. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. 728 с.

Goncharova T. N. *Istorija francuzskogo kolonializma: Aktual'nye problemy izuchenija. Chast' I: Istorija kolonial'nyh imperij Francii [History of French colonialism: Actual problems of study. Part 1: History of the colonial empires of France].* Saint-Petersburg: Istoricheskij fakul'tet SPbGU, 2013. 96 p.

Гончарова Т. Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения. Часть I: История колониальных империй Франции. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2013. 96 с.

Benot Y. *La démente coloniale sous Napoléon. Préface inédite de Marcel Dorigny.* Paris: La Découverte, 2006. 408 p.

Daget S. *Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale (1814–1850).* Nantes: Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique. Université de Nantes et Comité nantais en sciences humaines, 1988. 605 p.

³⁹*Schoelcher V. Histoire de l'esclavage pendant les deux dernières années.* En 2 vol. Paris, 1847. Vol. 1. P. III–IV.

Gainot B. Bref aperçu concernant l'histoire du mouvement abolitionniste français (1770–1848) // *La Révolution française. Cahiers de l'Institut d'histoire de la Révolution française*. 2019. № 16. Эл. pecypc: openedition.org.

Grenouilleau O. La révolution abolitionniste. Paris: Gallimard, 2017. 512 p.

Jennings L. Abolitionnisme, jeu politique et réforme: France 1814–1848 // *Pétre-Grenouilleau O.* (dir.). *Abolir l'esclavage. Un réformisme à l'épreuve* (France, Portugal, Suisse, XVIIIe–XIXe siècles). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2008. P. 169–184.

Jennings L. C. Le second mouvement pour l'abolition de l'esclavage colonial français // *Outre-mers*. 2002. T. 89. № 336–337: *Traites et esclavages: vieux problèmes, nouvelles perspectives?* P. 177–191.

Jennings L. C. La France et l'abolition de l'esclavage (1802–1848). Paris: André Versaille, 2010. 352 p.

Le Garrec E. Abolitionnisme et réforme sociale: les figures de l'esclave et du pauvre laborieux en France, 1814–1840 // *Pétre-Grenouilleau O.* (dir.). *Abolir l'esclavage. Un réformisme à l'épreuve* (France, Portugal, Suisse, XVIIIe–XIXe siècles). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2008. P. 93–102.

Manceron G. Marianne et les colonies. Une introduction à l'histoire coloniale de la France. Paris: La Découverte, 2003. 318 p.

Motylewski P. La Société française pour l'abolition de l'esclavage, 1834–1850. Paris: L'Harmattan, 1998. 222 p.

Schmidt N. Victor Schoelcher. Paris: Fayard, 1999. 400 p.

Schmidt N. Abolitionnistes de l'esclavage et réformateurs des colonies, 1820–1851. Paris: Karthala, 2000. 1200 p.

Schmidt N. L'abolition de l'esclavage. Cinq siècles de combats XVIe–XXe siècle. Paris: Fayard, 2005. 418 p.